

оказалась под властью пруссаков Гольда и Шверина, опиравшихся на императорских голштинцев, во главе с принцем Георгом, и русско-подданных ливонцев, культурою и службой тесно связанных с Пруссией и ее королем. Она должна быть обязательно сопоставлена со строфою 9, где «врагами населенный» Петербург изображен живою опасностью для всей страны и особенно ее границ.

Все это подводит к вопросу о том, как же рисовал М. В. Ломоносов внешнюю политику новой императрицы, в частности вопрос о продолжении датской и возобновлении Семилетней войны? Но автор молчит по этому вопросу и в общей форме и по частным его сюжетам, как молчат о том и манифесты императрицы Екатерины. Лишь строфа 13 говорит, но совсем без должной ясности:

«И буди от врагов ограда
Поставь опасностям конец;
И оправдай Елисавету,
Всему доказывая свету,
Что полная триумфов брань
Постыждена поносным миром,
И сопостат почтен кумиром
От нас приемлет в жертву дань».

Здесь первое — защита от «врагов», как внешних, так и внутренних, второе — ограждение от «бед», также, конечно, и внешних и внутренних, третье — повидимому, реабилитация Елизаветы путем широкой осведомительной работы в России и за границею и только. Никаких речей о продолжении одной и возобновлении другой войны здесь нет. В частности, очень показательны, что ни в этом месте оды, и нигде в другом нет никаких оскорбительных или унижающих выражений по адресу Фридриха, его армии, Пруссии и т. д., хотя та же Екатерина в первом манифесте и назвала Фридриха II «самым... злодеем» России.

Вот, кажется, и вся программа внутренней и внешней политики, с которою М. В. Ломоносов выступил перед новою императрицею. Надо отметить, что она, во-первых, совершенно не касается вопросов социального и политического порядка, и во-вторых, далеко не во всем, особенно в части внешней политики, ясна.